

К ВОПРОСУ О ВИДАХ И НАЗНАЧЕНИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФУНКЦИЙ

В статье рассматриваются спорные вопросы науки уголовно-процессуального права относительно его функций.

В общеупотребительном смысле под функцией понимается роль, значение чего-нибудь; обязанность, круг деятельности [1]. Как указывается в научной литературе, уголовно-процессуальные функции определяют природу и социальную направленность уголовного судопроизводства. Они не стоят где-то над практической деятельностью по возбуждению, расследованию, рассмотрению и разрешению уголовных дел, а реализуются непосредственно в этой деятельности, выражая в обобщенном виде ее надлежащую направленность и правовую сущность [2]. Поэтому в теории уголовно-процессуального права исследованию проблем процессуальных функций уделяется достаточно большое внимание [3]. Связано это, в первую очередь, с критериями классификации, количеством и наименованием функций. В конечном итоге дискуссия среди процессуалистов по этим вопросам привела к тому, что сегодня к проблеме процессуальных функций имеются два принципиально различных подхода. Первый из них, разработанный еще в 1951 г. М.С. Строговичем, является традиционным и предусматривает наличие трех основных процессуальных функций: а) обвинение (уголовное преследование); б) защита; в) разрешение дела [4]. Второй подход дополняется функциями расследования преступлений, поддержания гражданского иска и, соответственно, защиты от него, а также вспомогательными функциями, которые осуществляют лица, выступающие в качестве свидетелей, экспертов, специалистов, понятых, переводчиков и т.д. При расширении системы функций ученые руководствовались идеей, что каждый субъект уголовно-процессуальной деятельности должен осуществлять какую-нибудь одну процессуальную функцию, поэтому их классификация осуществлялась по видам субъектов. В этой связи очень подробную классификацию

уголовно-процессуальных функций дал в свое время В.М. Шпилев. Им выделяется 10 функций [5].

Несколько иначе подошел к количеству и наименованию процессуальных функций М.М. Выдря, который пытался обосновать наличие в уголовном процессе функции расследования уголовного дела, выполняемую прокурором, следователем, дознавателем (органом дознания) [6]. Но его позиция, как представляется, во многом уязвима, что заметно даже в характеристике им сущности функции расследования: «Конечно, функция расследования дела не есть функция обвинения, однако было бы ошибочным не замечать тяготения первой ко второй. Функция расследования в значительной мере наполнена обвинительной деятельностью, без которой работа следователя практически невыполнима» [7]. Как видим, М.М. Выдря согласен с тем, что выполняемая следователем деятельность носит обвинительный характер, что вполне закономерно, так как у каждого из участников процесса, на которых возлагается разрешение задач уголовного судопроизводства, имеется свое, основное направление, круг полномочий, регламентированных уголовно-процессуальным законом.

По УПК РСФСР, как известно, основными, первостепенными задачами, стоящими в том числе и перед следователем, являлось быстрое и полное раскрытие преступлений и изобличение виновных (ст. 2). Выполнение подобных задач невозможно без совершения обвинительной деятельности. Это, как мы видим, нашло свое отражение в нормах действующего УПК РФ, относящего следователя к участникам судопроизводства, осуществляющим обвинительную деятельность.

Количество уголовно-процессуальных функций следует определять, исходя из природы

уголовного процесса, из реального наличия в его содержании важнейших видов уголовно-процессуальной деятельности, различающихся по своей направленности и потому имеющих достаточно четкие границы.

З.З. Зинатуллин и Т.З. Зинатуллин, на наш взгляд, справедливо замечают: «Выделяемые уголовно-процессуальные функции носят преимущественно генерирующий, системообразующий характер» [8]. Мы бы добавили, что все функции взаимосвязаны, без функции обвинения (уголовного преследования) не состоится правосудие, ибо если нет обвинения, то не будет и обвиняемого, а значит и не будет разбирательства и разрешения дела. «Если при традиционном подходе за исходный элемент принимать обвинение (уголовное преследование), как изначальное направление процессуальной деятельности, которое требует наличия защиты и разрешения дела, - пишет А.П. Гуськова, то именно этот аспект понятия функций и позволяет раскрыть сущностный характер и направленность процессуальной деятельности его субъекта» [9].

Учитывая, что законодатель в интересах личности с учетом формирования демократической природы процесса закрепил самостоятельные и независимые друг от друга функции: обвинения, защиты и разрешения дела, то тем самым он определил полномочия должностных лиц по ведению судопроизводства. Если государственный (частный) обвинитель доказывает перед судом свой тезис, утверждение о виновности лица, то защиту от обвинения представляет и выражает как сам обвиняемый, так и его защитник, законный представитель.

Все обозначенные функции как бы обнимаются общей функцией – правоохранительной. Оправданно в этой связи существует и такая функция как судебный контроль. Она, являясь функцией судебной власти, призвана обеспечивать и защищать права и свободы человека, гражданина, гарантированные Конституцией РФ в ходе производства по делу.

В этой связи будет верным следующее суждение А.П. Гуськовой: «Основная функция суда как органа судебной власти – **правоохранительная**, а важнейший способ ее реализации – **правосудие... судебная власть в уголовном**

процессе реализуется в форме правосудия в обычном понимании и в форме контроля за соблюдением прав участников уголовного процесса в досудебном производстве...» [10]. Аналогичного мнения придерживается и В.М. Бозров [11], который указывает, что правосудие по уголовным делам непосредственно связано с осуществлением контроля за законностью актов предварительного расследования. «Первый вид контроля, - пишет В.М. Бозров, - осуществляется в стадии предварительного расследования и распространяется только на акты органов предварительного расследования. Второй вид контроля реализуется в первой судебной стадии (назначение судебного разбирательства) и распространяется на все без исключения материалы уголовного дела» [12]. Поэтому мы полагаем, что судебный контроль – это самостоятельная уголовно-процессуальная функция, осуществляемая в форме правосудия, выступающая как государственная функция. И.В. Жеребятьев и А.А. Шамардин думается, верно отмечают в этой связи: «Известно, что форма есть способ существования содержания, внутренняя организация, структура содержания, делающая возможным его существование. Судебная власть, являясь по своей сути содержанием деятельности судебных органов, реализуется в основном посредством осуществления правосудия. Развиваясь и изменяясь, судебная власть автоматически воздействует на развитие и изменение своей формы. Получая в настоящее время все больше полномочий, судебная власть не может оставаться неизменной. В этой связи, согласно законам диалектики, совершенно неизбежным будет проходить процесс изменения формы. Однако развитие старой формы, перерастание ее на качественно новый уровень не влечет за собой появления какой-либо новой формы существования содержания» [13].

Нельзя, на наш взгляд, признать правильным мнение о наличии в современном уголовном процессе предупредительно-воспитательной функции. З.З. Зинатуллин и Т.З. Зинатуллин именно таким образом формируют еще одну общую функцию [14]. Как справедливо указывает В.М. Бозров: «Задача осуществления предупредительно-воспитательной функции

при реализации правосудия по уголовным делам вызывает серьезные сомнения» [15].

Стало быть, следует признать верной наиболее распространенную в настоящее время точку зрения, в соответствии с которой принцип состязательности характеризуется двумя неотъемлемыми элементами: разделение трех основных процессуальных функций и наделение сторон обвинения и защиты равными процессуальными правами. Российский законодатель, как следует из глав 5-7, а также из содержания ст. 15 УПК РФ, за основу построения уголовного судопроизводства взял именно эту точку зрения, чем «...взял на себя роль своеобразного арбитра в давнем научном споре» [16].

Наряду с этим, как указывает А.В. Смирнов, «В советской процессуальной литературе все большее признание завоевывает несостязательная концепция уголовно-процессуальных функций, в рамках которой обычно выделяют функции предварительного расследования, судебного рассмотрения и разрешения дела, прокурорского надзора, защиты личных интересов, оказания юридической помощи и т. д.» [17]. Действительно, при более внимательном анализе видов уголовно-процессуальной деятельности по УПК РСФСР хорошо видно, что в концепцию трех функций прежде всего не укладывалась деятельность следователя, который был обязан в силу закона полно, объективно и всесторонне исследовать все обстоятельства дела, выяснить как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а также отягчающие его вину обстоятельства. В этой связи на страницах научных изданий уже наших дней стала появляться критика жесткого деления всех участников судопроизводства на три группы, включения в сторону обвинения дознавателя, прокурора, следователя, что, по мнению ученых, создает базу для обвинительного уклона в их деятельности [18].

Думается, с приведенным суждением нельзя согласиться. Как отмечает А.А. Давлетов: *«состязательность, прежде всего, тип, форма организации самого уголовного процесса... состязательность не обычный принцип, один из многих, а концептуальное начало построения всего уголовного процесса, его систе-*

мообразующая идея, на основе которой разрабатываются принципы, а затем «рабочие» нормы УПК» [19]. Таким образом, следуя данному суждению, можно сделать вывод, что на основе такого концептуального начала, как состязательность сторон, необходимо разработать такой порядок судопроизводства по уголовным делам, который бы в полной мере отвечал требованиям разделения процессуальных функций обвинения, защиты и разрешения дела. В настоящее время видится два пути решения данной проблемы – наделить сторону защиты правом так называемого «параллельного расследования», либо пойти по пути французского и дореволюционного российского законодателя и ввести в процесс фигуру следственного судьи (судебного следователя). Вместе с тем интересно отметить, что во Франции не существует отдельной процессуальной функции защиты, участие в уголовном судопроизводстве защитника, как и представление лицу, подвергающемуся уголовному преследованию, иных соответствующих прав, не рассматривается через призму состязательности или разграничения процессуальных функций. Они являются реализацией другого важнейшего, но самостоятельного принципа, роль которого никто не собирается умалять, - обеспечения обвиняемому права на защиту [20].

Движение уголовного дела, развитие уголовного процесса обусловлено «борьбой» сторон обвинения и защиты, т. е. двух диалектически противоположных по своей направленности видов уголовно-процессуальной деятельности. Для подведения итогов этой «борьбы» и принятия соответствующих решений нужен третий вид уголовно-процессуальной деятельности – разрешение дела [21]. «Состязательность в уголовном процессе немыслима без разделения функций обвинения и защиты и отделения их от рассмотрения дела по существу» – совершенно правильно указывает в этой связи В.М. Бозров [22].

Стало быть, разделение процессуальных функций имеет целью построение такой структуры судопроизводства, при которой ни одна из сторон не имеет возможности непосредственно, своей властью влиять на процессуальное положение другой, и только суду принадлежит

право принятия решений, лишь инициированных одной из сторон. При этом важно, чтобы разделение функций было осуществлено таким образом, чтобы не только сторона обвинения не была наделена властными полномочиями по отношению к стороне защиты, но и объем прав суда не включал бы полномочия стороны обвинения. Это, во-первых, гарантирует сторонам независимость друг от друга, во-вторых, обес-

печивает беспристрастность суда и, в-третьих, является необходимой предпосылкой для равенства процессуально-правовых статусов сторон.

Думается, только определенный баланс функций обвинения и защиты, поддерживаемый судом, способен в надлежащей мере обеспечить реальную защиту прав и законных интересов лиц, вовлеченных в производство по уголовному делу.

Список использованной литературы:

1. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1999. С. 858
2. Зинатуллин З.З., Зинатуллин Т.З. Уголовно-процессуальные функции: Учеб. пособие. Ижевск: Детектив-информ, 2002. С. 6.
3. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. В 2-х тт. Т. I. – М., 1968. С. 188-200; Нажимов В.П. Об уголовно-процессуальных функциях // Правоведение. 1973. № 5. С. 73-82; Якуб М.Л. О понятии уголовно-процессуальной функции // Правоведение. 1973. № 5. С. 83-89; Ларин А.М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. – М.: Юрид. лит., 1986; Даев В.Г. Процессуальные функции и принцип состязательности в уголовном судопроизводстве // Правоведение. 1974. № 1. С. 64-73; Курс советского уголовного процесса: Общая часть / Под ред. А.Д. Бойкова и И.И. Карпеца. – М.: «Юрид. лит.», 1989. С. 420-440; Зинатуллин З.З., Зинатуллин Т.З. Уголовно-процессуальные функции: Учеб. пособие. Ижевск: Детектив-информ, 2002 и др.
4. Строгович М.С. Уголовное преследование в советском уголовном процессе. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 58.
5. Шпилев В.Н. Участники уголовного процесса. – Минск: Изд-во БГУ, 1970. С. 26.
6. Выдря М.М. Расследование уголовного дела – функция уголовного процесса // Советское государство и право. 1980. № 9. С. 78-82.
7. Там же. С. 82.
8. Зинатуллин З.З., Зинатуллин Т.З. Указ. работа. С. 21.
9. Гуськова А.П. Проблемные вопросы уголовно-процессуальных функций в российском праве // Проблемные вопросы законотворческой и правоприменительной деятельности в России на рубеже нового тысячелетия: Сборник научных статей / Под ред. А.П. Гуськовой. Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2001. С. 6-7.
10. Гуськова А.П. Процессуально-правовые и организационные вопросы подготовки к судебному заседанию по УПК РФ: Монография. – Оренбург: ИПК ОГУ, 2002. С. 12.13.
11. Бозров В.М. Современные проблемы российского правосудия по уголовным делам в деятельности военных судов (Вопросы теории и практики): Монография. – Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1999. С. 11-32.
12. Там же. С. 31.
13. Жеребятьев И., Шамардин А. Некоторые вопросы реализации правосудия в уголовном судопроизводстве // Уголовное право. 2004. № 3. С. 83.
14. Зинатуллин З.З., Зинатуллин Т.З. Указ. работа. С. 177-188.
15. Бозров В.М. Указ. работа. С. 36.
16. Головкин Л.В. Новый УПК Российской Федерации в контексте сравнительного уголовно-процессуального права // Государство и право. 2002. № 5. С. 52.
17. Смирнов А.В. Об исторической форме советского уголовного процесса // Правоведение. 1989. № 5. С. 59.
18. Волчешкая Т.С. Законодательное закрепление и проблемы реализации принципа состязательности сторон в уголовном судопроизводстве / Материалы международной научно-практической конференции, посвященной принятию нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. – М., 2002. С. 27-29.
19. Давлетов А.А. Три неизбежных вопроса, которые ставит новый УПК РФ перед адвокатом-защитником / Федеральное законодательство об адвокатуре: практика применения и проблемы совершенствования: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 13 июля 2004 г. – Екатеринбург: Изд-во урал. Ун-та, 2004. С. 79-80.
20. Головкин Л.В. Указ. работа. С. 53.
21. Нажимов В.П. Указ. работа. С. 74.
22. Бозров В.М. Указ. работа. С. 54.